

На первый взгляд – довольно обыденно. Мне, как и всем, предстояло сделать выбор.

Почему, черт возьми, это так сложно? Я поднял голову, пытаюсь разглядеть хоть одну звезду, но бесполезно: все забивал мертвенный свет неоновых огней. Холодный ветер случайным порывом вцепился в волосы, пару раз кашлянул в лицо отвратительной вонью дешевой просроченной еды, автомобильным смогом, тяжелой смесью парфюмов с запахами человеческих тел и духом сырых переулков с едва угадывающимися нотками редкой зелени. Затем, подобно астматику, на время забывшему про большие легкие, смазанно осекшись, задохнулся за уличным поворотом.

Со времен первых шагов по земле существа, именующие себя людьми, склонны к полярно противоречивым вещам. Неоправданная жестокость, граничащая со святостью добродетель, желание саморазвития и низкая тупая склонность к деградации нередко способны уживаться в одном теле, хаотичным образом сменяя друг друга на всем протяжении затаянного пути к могиле. Несмотря на то что наши души представляют собой ядреную смесь уникальных качеств, являясь одновременно зловонной ямой и вселенским откровением, испокон веков было то, что нам делать трудней всего.

Ждать и выбирать.

Именно этим я сейчас занимался.

Шел двадцать восьмой год, как ввели Лицензии на убийство.

Примечание.

Лицензия на убийство – неоспоримое право каждого человека раз в жизни совершить не караемое законом преступление со смертельным исходом для любой выбранной жертвы в День Си. Может быть использовано или не использовано на усмотрение обладателя Лицензии. Наказание за умышленное превышение границ действия единичного права – смертная казнь.

Во время смуты конца двадцать первого века из-за неконтролируемых промышленно-радиоактивных выбросов с производственных предприятий и стремительного ухудшения экологии повсеместно участились вспышки психических расстройств, случаи массовых сумасшествий, очаги восстаний и терактов, потрясших все цивилизованное общество, а также увеличилась безработица, связанная с перенаселением. Наиболее актуальной стала проблема «лишних людей». Одна из крупнейших партий Японии, Mirai, базирующаяся в Токио, в то время активно продвигала радикальную идею Лицензии как способ массового усмирения. Законодательно

заверенное право, при котором каждый опасался лишний раз задеть другого, чтобы не оказаться на следующей утро с перерезанным горлом в собственной гостиной.

– Мы сами выбрали Лицензию, – сказал однажды мой отец, буднично складывая газету, – иначе было нельзя.

Жертвой может быть кто угодно. Политик, артист, булочник в Сугинами, недавно открывший свою лавку, хулиган, нанесший неизлечимую детскую травму, один из неверных супругов, кинувший косой взгляд случайный прохожий или родной брат – неважно. Главным условием является то, что гражданину, решившему прибегнуть к Лицензии, никто не должен помогать или мешать. Как и спрашивать о том, использовал ли он свое право.

Примечание.

День Си – одни сутки в году, отведенные под возможность прибегнуть к Лицензии. Назначается индивидуально каждому гражданину Японии при рождении. Категорически запрещено разглашать дату своего Дня Си.

Программа выбирает наш судный день, она же регистрирует законные или противоправные смерти.

Да, та улыбающаяся девушка, принимающая букет цветов из рук смущенного молодого продавца за пару минут до закрытия магазина, вполне могла уже кого-то убить. Никогда не знаешь.

Точно так же улыбалась Киоко, когда я впервые встретил ее.

Я достал сигарету и попытался поджечь. Сырой табак плохо занялся; за эту ночь меня уже дважды поливал дождь. С горем пополам затянувшись и выпустив отравленный дым из легких, я сплюнул, растянув непослушные губы в жутком подобии усмешки. Конечно, законом прописаны жесткие санкции в отношении тех, кто захочет купить или продать свое право на убийство. Но смельчаки находились. В мои обязанности, как одного из невольных последователей, вписанных в ряды *Mirai*, входила поимка таких. Страж порядка нового мира. Оружие правосудия. Герой, с малозначительной поправкой на мертвую мораль.

Киоко... Когда она смеялась, вокруг карих прищуренных глаз собирались маленькие морщинки. Они не уродовали ее лицо, скорее, наоборот, делали его солнечным, родным.

Несколько раз меня пытались подкупить. Предлагали суммы, от которых у любого другого перехватило дыхание и пот выступил бы на трясущихся ладонях. Умоляли помочь бежать из города, страны,

помиловать, оставить в покое, до последнего не желая верить, что я окажусь глух и слеп к убеждениям. Возможно, виной всему были мои устаревшие принципы – в глубине души я надеялся на отмену Лицензии, так как убийц на дух не переносил. Иногда презрение к пойманным перехлестывало через край, я неделями мыл руки, соскребая с кожи их отчаянные прикосновения, а порой... я запоминал преступников на всю жизнь. Серые, полные мертвой пустоты глаза мужчины, прикончившего двух насильников своей младшей двенадцатилетней дочери, еще долго прожигали меня своей неизбывной болью во снах. Он не скрывался, сам вышел мне навстречу. Как ни велико было искушение отпустить, позволить вернуться к семье, привести его на суд было моим долгом. Я никогда не давал пощады убийцам, зашедшим дальше положенного. Лишь один ускользал от меня раз за разом, все время оставляя на шаг позади.

До полуночи, с которой брал отсчет мой День Си, оставалось чуть больше получаса. Отклеившись от стены, я позволил себе короткую вылазку до круглосуточной забегаловки и обратно – взять дрянной, но горячий кофе.

Терпкий напиток обжег губы, как когда-то первый поцелуй Киоко, неугасимая страсть в которой пробудилась моей настойчивой любовью. Я растворялся в ней с той же стремительностью, как сейчас дешевый сахар в бумажном стаканчике, вяло брошенный туда нетвердой рукой уставшего от дневной смены торговца, не подозревающего о сакральном для меня смысле. Тогда, сжав ее в объятьях, я не мог поверить, что высшее счастье доступно человеку, подобному мне. Казалось, я полностью уверился, что ради этого мгновения стоило родиться. Ее запах, ее волосы, в которые всегда хотелось запустить пальцы, зарыться носом и однажды встретить счастливую старческую смерть.

Спустя два года счастья я держал в руке до боли знакомую прядь на месте зарегистрированного программой убийства. ДНК-тест подтвердил, уничтожив слабую надежду. Тогда во мне что-то хрустнуло, сломавшись навсегда. В месте, где раньше было сердце, поселилась ноющая тупая боль. Хотелось выть, раздирая кожу.

Хотелось сдохнуть.

В любой программе существуют ошибки. Убийца, чей путь через несколько минут пересечется с моим, не похож на других. Я потерял много време-

ни на пустые поиски, прежде чем уловил связь между жертвами и системность его действий. Сначала я думал, что кто-то незаконно нанял около десятка людей с незакрытым правом для своих целей, и поэтому безрезультатно ходил вокруг да около. Проверил всех, чей капитал позволял провернуть такое, прежде чем понял, что меня искусно водят за нос. Количество жертв не совпадало с количеством людей, воспользовавшихся Лицензией. Кто-то планомерно убивал всех членов Mirai, одного за другим. Озарение ударило в мозг так неожиданно, что я некоторое время сидел, оглушенный, неспособный пошевелить даже пальцем.

Поломаный, сбитый код.

Исключение из правил.

Единственный, чья Лицензия не ограничивалась одной смертью.

Программа не регистрировала собой как противоправный. В свой День Си он мог убить столько, сколько пожелает, и уйти незамеченным, вне подозрений.

Вдвойне иронично, что мой День Си совпадал с его.

Я допил почти остывший кофе, смял стаканчик и, не глядя, швырнул прочь. Что толку беспокоиться о биоразлагаемой бумаге, которая через пару часов расплзется мокрым пятном по асфальту, а наутро разнесется в клочья ботинками всех форм и размеров, когда твоя жизнь точно так же иссушена и изорвана?

Я собственноручно закрывал глаза отцу, безмолвно прощаясь с ним еще до похорон. Порой его кровь на моих пальцах в особо беспокойные ночи перед рассветом снова алеет на коже, будто настоящая. Когда я обнаружил труп, тело уже успело остыть. Точно так же, как сегодня, кратковременными промежутками, лил отвратительный, пробирающий до костей дождь.

Мой старший брат, напротив, был убит при свете солнца. Холодный, равнодушный зимний луч застыл в неподвижных зрачках, как и мое перекошенное от бессильной злобы отражение.

Моих близких одного за другим отнимало проклятое число на календаре; я возненавидел дату своего Дня Си.

Именно эти совпадения заставили меня вгрызться в работу с остервенением раненого волка, найти ответ и в итоге выйти на след. Сегодня, несмотря на всю свою принципиальность, я принял решение воспользоваться Лицензией. Сегодня я сам стану тем, кого ненавижу. Убийцей.

Полночь подкралась столь же незаметно, как и едва различимый звук шагов в переулке. Я ждал их. Как удобно. Никого не нужно выслеживать, зная, что цель ты.

– Пунктуальность всегда была одной из тех черт, которые я любил в тебе.

Я повернулся, улыбнувшись. Киоко стояла неподвижно, спокойная, как дьявольское возмездие. Такая же красивая. Такая же родная. На мгновение я забылся, борясь с желанием измученного сердца предаться секундной амнезии и обнять ее, как когда-то прежде. Весь ее облик настолько прочно связался в моей памяти с чем-то божественно любимым, что даже пистолет, зажатый в маленькой руке, не сразу разбил мерзлую пелену воспоминаний.

– Почему, Киоко?

– Потому что так надо, Тэкэхиро. – Казалось, я уже целую вечность не слышал ее голоса. – Кто-то должен. В Mirai придумали Лицензию. Мне был дарован шанс, уникальный, единственный. Ошибка, что станет спасением. Я буду той, кто уничтожит это право навсегда.

– Так надо... Говоришь, как мой отец. – Я широко усмехнулся, получилось кривое подобие улыбки.

– Не смей упоминать его при мне. – Киоко едва дернулась и тут же вернула себе спокойствие. – Он был в числе тех, кто подарил миру право убивать. И заслужил подобной участи. Как и твой брат, последовавший за ним. Всегда легче разрешить смерть, надеясь, что она не придет за тобой.

– И сейчас ты пришла за мной. Скажи, любовь, что ты мне дарила, была частью плана?

– Сначала да. Потом нет.

Почему-то я знал, что она не лжет. Такое выражение лица и глаз бывает только у тех, кто ощущает себя праведником и искренне верит в истинность своих действий. Я уже видел такое не раз, когда ловил убийц прежде.

– Я надеялась, что однажды ты перестанешь идти на поводу у Mirai. Раз нет возможности бороться с системой, нужно сломать ее изнутри. Видела же, что тебе противна идея узаконенного кровопролития. Но ты не решился. Ты делал все, что они говорили, а значит, был не лучше их.

– Ты словно убеждаешь себя, что я хуже, чем есть. – Я опустил голову и посмотрел на нее исподлобья. – Знаешь же, я всегда ненавидел убийц.

– И теперь ненавидишь меня.

Мне хотелось ответить иначе. Мне вообще хотелось, чтобы все было иначе.

– Верно. Так происходит, когда кто-то убивает чьих-то близких. Если хочешь знать, я все понял, когда нашел твои волосы рядом с трупом отца. Так любил тебя, что обещал, что везде узнаю их... Это было чертовски больно, ведь в тот день мне пришлось хоронить сразу двоих.

Я сделал пару шагов и вновь поднял голову к небу. Ни единой звезды, как назло. Хотя бы без дождя. Токио спал и видел сны. Как минимум в трети квартир Японии сейчас мирно, укрывшись одеялом или пледом, в кругу семьи или в одиночестве, мерно дышали убийцы, сделавшие свой выбор. Как и я только что сделал свой.

Киоко стояла, обманчиво неприступная, несмотря на оружие. Я знал, как выбить его, оставив противника не более опасным, чем беззащитный котенок.

– Знаешь, ничто не делает мне больней, чем осознание, что однажды ты проверила свою уникальность. Ведь вместо того, чтобы встретить любовь на залитом солнцем пляже, я мог скрутить ей руки, ведя на эшафот. Но система дала сбой на твоём втором убийстве, и мы оказались там, где оказались. Четыре года назад было зафиксирована первая насильственная смерть члена Mirai, затем, через год, вторая, думаю, как раз на ней ты НЕ попала. Я заметил, ведь мы с тобой настолько совпадаем, что даже Дни Си у нас одинаковые.

При последних словах Киоко резко напряглась, выставив пистолет уже не нападающим, а, скорей, защитным жестом. Она поняла, что сегодня я могу использовать Лицензию.

– Если тебе интересно, тогда мой отец не мог ничего сделать. Ему четко дали понять, что знают, где живет моя мать, беременная первым ребенком. А брат всю жизнь работал над отменой Лицензии и ко дню перед своей смертью уже склонил на свою сторону больше половины членов Mirai. Несмотря на его кончину, их уже ничто не заставило изменить решение...

Одним точным движением я выбил оружие из рук Киоко, другим подхватил и направил на нее.

– Так что ты сделала именно то, против чего боролась.

Девушка была похожа на загнанного зверя. За одну секунду я увидел, как рушится целый мир, выстроенный на надеждах и вере. Очень знакомо.

– И что теперь? – тихо вырвалось у нее. – Убьешь меня? Станешь тем, кого ненавидишь?

Я пытался сейчас найти в ней черты любимой Киоко, моей Киоко. Но не осталось ничего.

– Записи о тебе я уже отправил в отдел, если не выйду на связь через десять минут, сюда выедут. Я дал себе слово, что сегодня использую Лицензию, и не собираюсь от него отказываться. Знаешь, я столько раз пытался выгнать тебя из своих мыслей, но ты всегда возвращалась. Несмотря на всю ненависть и боль, ты была в нем тем чистым образом, незапятнанным лучом света, который слишком далек от реальности.

В глазах Киоко застыли слезы, я понял, что только что сломал не только ее веру, но и ее саму.

– Беги как можно дальше, у тебя есть еще пять минут свободы.

Жалкая, как кукла с обрезанными ниточками, пародия на человека, она бросилась прочь, неловко, почти карикатурно скользя на замерзающем от ночного холода мокром асфальте, будучи первой из убийц, что я отпустил. Пусть и ненадолго.

Я знал способ, как избавиться от Киоко. Устремив взгляд в небо, приставил пистолет к виску. Сегодня мой День Си, и я выбрал человека, которого хочу убить.

А чертова звезда все-таки появилась.

Выстрел.

Примечание.

Си – Смерть (японский). Дословно День Си переводится как «День Смерти».

Mirai – «будущее».

